

Его заветной мечтой, как и Фауста, было: «жить свободным среди свободного народа».

Его жизнь во всех ее проявлениях служила «блугу венгерской нации и венгерской родины», великим идеям дружбы народов.

Но Барток не дожидаясь до тех дней, когда его единодушно признали не только одним из крупнейших композиторов Венгрии и мира, но и одним из наиболее смелых искателей нашей эпохи. Он умер 1 сентября 1945 года в такой нищете, что его семье нечем было покрыть расходы на похороны. Умер в Америке, куда вынужден был эмигрировать из хортистской Венгрии в знак протеста против фашистского режима.

Впрочем, если бы Барток шел по проторенной дорожке и добивался только личной славы, он бы быстро, как и многие его современники, приобрел бы «солидное» и прочное положение. Но тогда он бы не был «пылающим факелом свободы», не был бы тем композитором, художником и борцом, которого мы сейчас любим и беспредельно уважаем.

Когда заходит речь о самых крупных явлениях музыки XX века, имя венгра Бела Бартока на-

ВЕЛИКИЙ БАРТОК

А. КЕЛЬБЕРГ,

музыковед.

Знается рядом с именами Скрябина и Стравинского, Шенберга и Онегера, Хиндемита и Орфа, Прокофьева и Шостаковича...

Творчество Бартока теснейшим образом связано с жизненной диалектикой, с той проблемой, которая волновала великого немецкого писателя Томаса Манна в «Докторе Фаустусе»: «существует ли еще как-нибудь правомерная связь между произведением как таковым, то есть самодовлеющим и гармоническим целым, с одной стороны, и избытком, проблематичностью, дисгармоничностью «нашего общественного состояния» — с другой».

Барток отвечает на этот вопрос мятежной, бунтарской музыкой. В ней много диссонансов, резких сочетаний звуков. Но самые жесткие, «варварские» созвучия у него обязательно сменяются просветленной гармонией. Мы чувствуем, что композитор искренне стремится к ней, хотя его все время раздражают острейшие противоречия.

Понять музыку Барто-

ка нелегко — она требует большого слушательского опыта. Но те, кто не боится трудностей познания настоящего большого искусства, получают щедро вознаграждены.

Фортепьянные и скрипичные концерты Бартока, его музыка для струнных, ударных и челесты, концерт для оркестра, симфоническая поэма «Кошут», квартеты, оркестровые сюиты, сонаты, фортепьянные пьесы и румынские народные танцы для скрипки и фортепьяно — все эти произведения венгерского композитора, хорошо известные в Алма-Ате благодаря многочисленным грамзаписям, способны принести огромное эстетическое наслаждение.

Однако музыкальное творчество было лишь одной стороной деятельности Бела Бартока. Много времени, начиная с 1905 года, он посвятил сбору и изучению народного творчества. С фонографом ходил Барток по селам и деревням Венгрии, Румынии, Словакии, отбирая все наиболее яркое, наиболее

характерное в народном искусстве. Вместе со своим другом композитором Золтаном Кодая Барток издал сборник народных песен, которые сыграли огромную роль в развитии венгерской профессиональной музыки.

По существу Барток и Кодая заново открыли народную музыкальную культуру, которая в течение многих лет вытеснялась чуждыми, антихудожественными влияниями.

Будучи профессором академии имени Листа, Барток восемь лет проводил одно из самых удивительных исследований нашего времени: исследование музыкального и поэтического фольклора славянских народов. Он распространил свое исследование даже на Турцию и Алжир, собираясь заняться и русским фольклором.

Можно представить себе, с какими трудностями были связаны экс-

педиции Бартока по равнинам и горам Венгрии, Балкан, Турции, Алжира накануне войны 1914 года. Собирающий должен был обладать полнотой энциклопедической эрудицией. Быть филологом, фонетистом, хореографом, социологом, историком.

Один или вместе с Кодая он записал на нотной бумаге и на пластинках более шести тысяч песен, совершенно неизвестных даже лучшим венгерским музыкантам того времени. Это было необходимо Бартоку для того, чтобы найти верный путь в музыке, постоянный творческий компас. Ведь он стал невольным свидетелем всех тех новаторских и псевдонаторских течений в искусстве, которыми было так богато начало нынешнего столетия.

Импрессионизм, символизм, экспрессионизм, неоклассицизм, джаз были ему хорошо извест-

ны. Но Барток не стал эпигоном, не потерял своей композиторской индивидуальности именно потому, что постоянно обращался к истокам народного творчества. С помощью этого живительного музыкального кислорода Барток хотел оздоровить искусство XX века.

Свой идеал композитор искал в патриархальной крестьянской жизни, не испорченной пороками городской цивилизации. Он считал, что пристальное изучение фольклора и среды, в которой живут народные мелодии, столь же необходимо для любого творца музыки как изучение живой природы для живописца или скульптора. Барток хотел «проникнуть в суть скрытых в сокровищах фольклорных мелодий музыкальных выразительных средств», говорить на языке народа, как на родном языке.

Изучение музыки венгров и их соседей, знакомство с неисчислимыми богатствами народной музыки сыграли огромную роль в формировании воззрений Бартока. Он писал в 1931 году:

«Моей руководящей идеей, которую я, с тех пор как стал композитором, в совершенстве осознал, является идеал братства народов, братства их вопреки всем войнам и раздорам».

Открывая сокровища народного творчества и знакомя с ними широкую публику в своих концертных турне по многим странам, композитор способствовал лучшему взаимному пониманию и уважению народов, национальных культур. Он упорно отстаивал идеи интернационализма.

Именно за этот неоценимый вклад в дело дружбы народов Всемирный Совет Мира посмертно присудил венгерскому композитору почетную Премию мира, а Народное правительство Венгрии посмертно присвоило Бартоку звание лауреата премии Кошута.

Сложен и порою противоречив был творческий путь Бартока. Но художественные цели, которые он ставил перед собой, всегда отличались точностью и определенностью — создавая новое искусство, освещать путь будущему.